

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Карпов Г.А. Система управления в колониальной Кении // Genesis: исторические исследования. 2024. № 2.

DOI: 10.25136/2409-868X.2024.2.69894 EDN: GQCWHF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69894

Система управления в колониальной Кении

Карпов Григорий Алексеевич

доктор исторических наук

старший научный сотрудник, Институт Африки, Российская академия наук

123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

✉ gkarpov86@mail.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.2.69894

EDN:

GQCWHF

Дата направления статьи в редакцию:

15-02-2024

Дата публикации:

22-02-2024

Аннотация: Объектом исследования настоящей работы является система управления колониальной Кении (1890-1950-х гг.). Предмет изучения – органы государственной власти, их полномочия, зона ответственности и особенности функционирования в восточноафриканских реалиях. Автор выполнил подробный анализ административной структуры, правоохранительной системы, ключевых управленческих звеньев на центральном и региональном уровне. Особое внимание было уделено вопросам развития городов на основе принципа расовой сегрегации и местного самоуправления, а также проблеме борьбы со специфической преступностью. В статье сделан акцент на ряде нетривиальных аспектов британского подхода к организации работы правительственных учреждений, включая особый подбор кадрового состава, активное законотворчество, во многом опирающееся на заимствование решений из Британской Индии, и также внедрение института вождей на локальном уровне. Методологической базой статьи выступили историко-правовой и проблемно-хронологический подходы,

кроме этого, автор обращался к общенаучным методам анализа и дедукции. Британская система управления выстраивалась в Кении в течение 1900-1920-х гг., приобретая черты завершенности в основных институтах к 1930-м гг. До прихода европейских колонизаторов в этом регионе не существовало цивилизационного базиса, предполагающего наличие государственных образований. Ведущая роль на всех уровнях административной структуры принадлежала лицам европейского происхождения. Вся полнота власти в колонии фактически принадлежала губернатору, безоговорочно проводившему политику метрополии. Данное положение вещей закреплялось культивируемой идеологической парадигмой, предполагающей превосходство британцев и в целом европейцев во всех сферах общества, включая управленческую. Прочность и слаженность работы государственного механизма обеспечивалась гомогенностью номенклатуры. К моменту обретения независимости в 1963 г. новоявленным кенийским властям досталась в наследство от колониального режима вполне эффективно работающая система государственных органов.

Ключевые слова:

Кения, колониализм, сегрегация, города, самоуправление, муниципалитеты, полиция, суды, вожди, Восточная Африка

После установления в 1895 г. колониального режима в Кении перед имперскими властями встал закономерный вопрос о том, как управлять данной территорией. Здесь не существовало государственных органов, территориального деления и близких европейцам представлений о властных институтах. Не было наследия, на которого можно было бы опереться. Всю административную структуру на местах пришлось внедрять с нуля. Только к началу 1920-х гг. можно говорить о полноценном переходе от слабых локализованных учреждений к устойчивой системе департаментов и муниципальных органов, опирающихся на утверждаемые бюджеты [\[1, p. 267-282\]](#).

Данный процесс протекал при господстве цивилизационной парадигмы, предполагающей, что туземцев надлежало обучить, быть для них «старшим братом» в деле строительства их собственной государственности. Верховенство интересов африканского населения формально было провозглашено еще в 1923 г., на деле речь шла о режиме «опеки», при котором империя выступала защитником местных жителей, часто последних об этом даже не спрашивая [\[2, p. 55-65\]](#).

Почетная и самая важная роль в сложном деле строительства государственности принадлежала колониальным управленцам. Английский чиновник буквально излучал уверенность в том, что только он хорошо разбирается в местных делах и понимает коренных жителей лучше всех остальных [\[3, p. 155-165\]](#). В связи с этим не возникал и вопрос о легитимности колониальной власти и ее органов. Это подразумевалось в качестве само собой разумеющейся данности наряду с патернализмом европейцев к африканцам и мигрантам из Южной Азии.

Основные органы власти

Вся полнота власти в период протектората (1895–1920 гг.) принадлежала комиссару, а в период собственно колонии (1920–1963 гг.) - губернатору, который проводил политику Министерства по делам колоний и отвечал перед метрополией за положение дел на вверенной ему территории. Определенную толику власти он делил с двумя

представительскими органами власти – Законодательным и Исполнительным советами, а с 1954 г. – еще и с Советом министров.

Законодательный совет возник в 1906 г. и состоял из назначаемых переселенцев европейского происхождения (официальных и неофициальных членов). В 1909 г. в совет был впервые назначен индеец, Алибхай Дживанджи. К 1919 г. европейцы добились возможности избираться (требования такого рода поступали с 1911 г.) в данный орган, что было вполне созвучно со старым, но актуальным лозунгом «нет налогов без представительства» («no taxation without representation»). В 1927 г. право входить в совет на выборных началах получили представители индийской общины, а первый кениец, Элиуд Мату, стал членом этого учреждения только в 1944 г., вторым (в 1946 г.) стал Беная Оханга. Общее количество членов совета к 1952 г. увеличилось до 54, из которых 21 (14 европейцев, шесть индийцев и один араб) были избираемыми. В 1956 г. совет состоял из губернатора в качестве президента, спикера в качестве вице-президента и уже 56 членов, из которых 21 были по-прежнему избираемыми.

Исполнительный совет также был создан в 1906 г. и включал в себя семь постоянных членов, трех назначаемых европейцев (один из которых представлял интересы африканцев) и одного члена арабского происхождения. Данный орган рассматривал законопроекты, а также утверждал смертные приговоры. После создания в 1954 г. Совета министров все члены данного органа стали членами Исполнительного совета. Совет министров состоял из шести чиновников и шести неофициальных членов, назначаемых губернатором [\[4, p. 265-266\]](#).

По мере необходимости колониальная администрация создавала комиссии для решения конкретных вопросов или координации деятельности уже имеющихся структур. Например, в 1946 г. при Законодательном совете начала работу специальная комиссия для выработки нового законодательства по проблеме жестокого обращения африканцев с животными [\[5, p. 1105-1107\]](#). А в 1948 г. свет увидела «Восточноафриканская верховная комиссия» («East African High Commission»), занимавшаяся вопросами развития торговли и промышленности. Ее предшественником была, так называемая «Конференция губернаторов Восточной Африки» («East African Governors' Conferenc»), межтерриториальный орган управления, куда входили губернаторы Кении, Уганды и Танганьики.

Имперские власти уделяли пристальное внимание подбору административных кадров. Колониальные чиновники в силу практически неограниченного круга обязанностей и проблем, которых приходилось решать, получали широчайшие полномочия, что подразумевало необходимость безапелляционного следования генеральной линии вкупе с отсутствием злоупотреблений. Такое положение дел достигалось однородностью персонала через набор в штат людей близких по возрасту, взглядам, социальному происхождению и образованию. Данный подход был кратко сформулирован в концепции «доверия человеку на местах» («trust the man on the spot»), правда, для этого человек должен быть «правильным» («right sort of man») [\[3, p. 150\]](#).

Кения в этом отношении лишней раз подтверждала общепринятое правило. Административный аппарат комплектовался главным образом выходцами из английского среднего класса провинциального происхождения (семьи священников, военных и служащих), придерживающихся обычно консервативных взглядов. Они получали школьное образование в закрытых школах для мальчиков, многие впоследствии становились выпускниками Кембриджа и Оксфорда, но без перспектив быстрого

карьерного роста. Эти молодые люди не были связаны с миром коммерции и бизнеса, им были чужды отвлеченные понятия, теории и сложные философские концепции. Идеал бескорыстной службы, привычка к власти (умение подчинять и готовность подчиняться) и эмпиризм преобладали над рефлексиями. Благодаря этому данные кадры не пасовали перед бесконечным потоком очень приземленных задач, начиная от купирования эпидемий тропических болезней и заканчивая земельными спорами, а уровень коррупции на местах был настолько низок, что неподкупность британских колониальных служащих стала притчей во языцех [\[3, p. 151\]](#).

Нетривиальное сочетание назначаемых и избираемых членов вместе с соответствующими полномочиями фактически сводило функционал центральных структур (Законодательный совет, Исполнительный совет, Совет министров) к консультациям и утверждению решений губернатора. Даже несмотря на постоянное увеличение численности этих советов, имперские власти эффективно манипулировали избирательной системой, не допуская к фактическому управлению колонией ни одну из трех основных этнических групп (европейцы, индийцы, африканцы) вплоть до конца колониального периода. Постановления центральной власти воплощали в жизнь соответствующие департаменты (здравоохранения, правопорядка и т. п.). Гомогенность номенклатуры гарантировала слаженность работы всего административного аппарата.

Города

По мере проникновения вглубь страны европейцы основывали населенные пункты, многие из которых впоследствии превратились в полноценные полисы. За 27 лет (1903 г. по 1930 г.) на карте колонии появилось 77 новых поселений. Наиболее близкий нам термин, отражающий их суть, — поселок городского типа. Границы этих территориальных единиц обозначались своеобразно, исходя из местных реалий. Например, Кисуму заканчивался далее 2,5 миль от офиса местного коллектора. Атрибутами полноценного города выступали обычно поселковый комитет, магистрат, судья и клерк [\[6, p. 181\]](#).

В первые годы муниципалитеты были чуть ли не единственным источником власти на местах. Они издавали собственные регулирующие документы (в частности, в Момбасе действовал собственный свод городских правил) и даже могли устанавливать ставки местных налогов, сборов, регулярных и нерегулярных платежей. Например, в соответствии с «Постановлением о сборах и охране природы» 1908 г. («The Township Fees and Conservancy Ordinance 1908»), можно было сформировать фактически любое основание для сборов на городское самоуправление. Между тем, хаоса на местах не наблюдалось, система была сложной, но управляемой [\[6, p. 182\]](#).

Городские власти довольно быстро осознали, что локальной налоговой базы совершенно недостаточно для полноценного развития, требовались субсидии из центра. Руководство колонии в свою очередь озаботилось систематизацией местных органов власти для контроля положения дел и расходования выделяемых средств. Во второй половине 1920-х гг. вышла серия уточняющих документов, включая «Постановление о муниципалитетах» 1928 г. («The Local Government (Municipalities) Ordinance 1928»), где была введена градация населенных пунктов по наличию местных органов власти (полностью избираемый городской совет, муниципальный совет, город «А», город «В») и зафиксировано, что бюджеты на местах наполовину формируются дотациями центра, а остальное добывается различными видами локальных налогов [\[6, p. 183-184\]](#).

Самоуправление развивалось по-разному. В частности, Найроби стал первым городом, где начал работу полноценный городской совет. Момбаса к рубежу 1920-1930-х гг. имел

только муниципальный совет. Кисуму в 1930 г. был переведен из категории «В» в категорию «А», что давало возможность вести собственные счета, а в 1941 г. получил право (шестым по счету в Кении) иметь муниципальный совет. Разумеется, все члены муниципальных органов власти были европейцами (с незначительными вкраплениями выходцев из Южной Азии). Вопрос об участии африканцев в этих структурах не поднимался вплоть до 1950-х гг. Даже небольшие поселки коренных жителей находились под руководством «комитетов» («committees») или «правлений» («boards»), состоящих из назначаемых должностных лиц [\[6, p. 184\]](#).

1920-е гг. в Кении были периодом развития законодательства о местном самоуправлении и внедрения официальных норм и правил, относящихся к градостроительству. В 1919 г. свет увидело первое «Постановление о градостроительстве» («Town Planning Ordinance»), которое в 1931 г. было дополнено «Постановлением о планировке и застройке» («Town Planning and Development Ordinance 1931»). Восточная Африка в этом отношении несколько отставала от общеимперских трендов, аналогичные решения для Англии были приняты в 1925 г., для Новой Зеландии – в 1926 г., для Австралии – в 1928 г., соответственно. Города развивались, менялся их облик. В Найроби, к примеру, последовательно было внедрено несколько схем планирования.

Наиболее благоприятные условия в городах создавались для жизни кенийцев европейского происхождения, если получится, то более-менее сносные – индийцев, каких придется – африканцев, соответственно. Обоснование для разделения городов на закрытые кварталы власти обычно легко получали через медицинскую службу, чьи представители только в сегрегации видели спасение от распространения инфекционных заболеваний (в том числе, чумы и малярии). Уже в 1905 г. Земельный комитет протектората при основании поселков и городов настоятельно рекомендовал дифференцировать горожан по расовому принципу. В соответствии с принятым сводом «Городских правил» («Townships (Public Health, Segregation of Races) Rules») губернатор был наделен полномочиями резервировать участки для землепользования и строительства под жилые районы для европейцев и индийцев, места пребывания рабочих из Южной Азии, африканский квартал, коммерческий район (рынок) для бизнесменов из Европы и Азии (но не для местных жителей) и открытое свободное пространство (на случай потенциального расширения города) [\[6, p. 185-186\]](#).

Кисуму был первым и во многом образцовым населенным пунктом, где этническая сегрегация была внедрена изначально и доведена за короткий промежуток времени до логического итога. К 1907 г. в Кисуму проживало около 5–6 тыс. человек. Из них примерно 30 были европейцами, 600 – индийцами, остальные – африканцами, соответственно. Горожане европейского происхождения жили на возвышенности с видом на о. Виктория. Африканская полиция размещалась неподалеку. Выходцы из Южной Азии обретались главным образом вокруг базара в лачугах из гофрированного железа, в жуткой антисанитарии. Места для будущего расширения данного района предполагали довольно высокую плотность населения (примерно 100 человек на акр), при этом в плане развития этой территории не упоминались ни водопровод, ни канализация, ни даже общественные уборные.

В 1904 г. были приняты «Правила города Кисуму» («Kisumu Township Rules»). К 1926 г. они уточнялись, пересматривались и дополнялись не менее 37 раз. Было выделено несколько основных городских районов. Район «А», где располагались правительственные учреждения, предназначался для проживания горожан европейского происхождения. Здесь были просторные улицы, каменные бунгало, много открытого

пространства. Зона «В» была выделена для представителей Южной Азии. В этих двух зонах африканцам запрещалось находиться, кроме как в статусе арендатора, прислуги, наемного работника или официально оформленного иждивенца. Отдельные дома и кварталы индийцев и европейцев могли возникать вокруг железнодорожного вокзала, как одного из центров деловой активности. Зона «С» отводилась исключительно для местных жителей и называлась «туземный квартал» («native quarter»), в нем были выделены отдельные зоны для каждой этнической группы (арабы, нубийцы, ганда и др.). Африканцам строгойше запрещалось ночевать вне пределов своего квартала [\[6, p. 186-187\]](#).

Главный работодатель (железнодорожная компания), как правило, размещал работников африканского и индийского происхождения в однокомнатных каркасных бараках, так называемых, «ланди» («landhies»). Естественно, ни о каких благах цивилизации (вода, электричество и пр.) речь там не шла. Данные строения состояли из рядов крошечных комнат (площадью около девяти квадратных футов каждая), где обычно проживали двое мужчин и две женщины. Практиковалось строительство также однокомнатных зданий, где пребывало 30–40 человек (при расчетном числе жильцов не более 20). Такое положение дел сохранялось практически до конца колониальной эпохи. Хотя формально правила городской застройки подразумевали норму в 30 квадратных футов площади и 350 кубических футов свободного воздушного пространства на одного человека при минимальной площади жилой комнаты в 100 квадратных футов (примерно 16 квадратных метров) [\[6, p. 187-188\]](#).

Городская среда колониальной Кении имела много общих черт с тем, как был организован быт в ЮАР в эпоху апартеида. Расовая и этническая сегрегация служила концептуальным базисом градостроительства. Города и крупные поселки управлялись европейцами, интересы других групп населения учитывались по остаточному принципу.

Управление на местах

С 1895 г., когда Кения была поделена на провинции, а провинции в свою очередь - на округа. Провинциями управляли «провинциальные комиссары» («provincial commissioner»), округами - «окружные комиссары» («district commissioner»), назначаемые из числа чиновников, соответственно. В округах выделялись конкретные населенные пункты, которые находились в ведении назначаемых администрацией руководителей, именуемых для краткости «вождями» («chiefs»). Практика их назначения была санкционирована «Постановлением об управлении коренными жителями» 1902 г. («1902 Native Authority Ordinance»). Данная административная система, внедренная в отношении коренных жителей, принципиально не менялась вплоть до конца колониального режима [\[7, p. 373\]](#).

Вожди были нижним слоем системы управления и позволяли существенно экономить средства на ее содержание. В первые два десятилетия колониального режима, когда африканцев обязали платить налоги, отдавать свои земли европейским фермерам, нести множество повинностей, насильно следовать совершенно другой культуре, учить новый язык, наблюдалось активное противостояние колонизаторам. Британцы же не отличались разборчивостью в средствах подавления недовольства, регулярными были так называемые «экспедиции по умиротворению» («pacification expeditions»), в ходе которых жилища сопротивляющихся новой власти кенийцев сжигались, посевы уничтожались, скот конфисковывался. Вожди в этой обстановке служили верной опорой режима. Кандидатов привлекали привилегии, стабильное жалование, возможность решить свои

личные проблемы. Никакого недостатка в желающих занять такую должность не было^[7, п. 371-373].

Парадокс ситуации заключался в том, что даже институт вождей сам по себе стал для туземцев новшеством, воспринятым в штыки. Никаких «вождей» в европейском понимании у племен и народностей доколониальной Кении не существовало. Органами власти у кенийцев были советы старейшин - «киама» («*ciama*»). Каждое крупное поселение имело такой совет для решения местных вопросов. На локальном уровне действовали субклановые советы - «мбари» («*mbari*»), занимавшиеся вопросами своего уровня, еще выше стояли подрайонные и районные советы. Эти органы вершили правосудие и занимались организацией повседневной жизни деревень. Советы состояли из представителей, «атамаки» («*athamaki*»), которые будучи специалистами в различных областях (политика, церемониальные обряды, судебные дела и др.), фактически координировали работу данных структур. И здесь не было места вождям^[7, п. 373].

Другая проблема заключалась в том, что площадь поселений была весьма различной, географически они могли быть разнесены по двум сторонам одного горного хребта, например. Вожди часто физически не могли контролировать формально подвластную им территорию. Административные единицы (населенные пункты, районы, округа) внедренные британскими властями были далеки от реальной племенной структуры, которая к моменту прихода колонизаторов была существенно сложнее, чем это представлялось со стороны. У каждой конкретной общины она могла находиться на разном уровне развития, продолжая постоянно эволюционировать. К 1900 г. в самом общем виде среди кикуйю, например, наиболее распространенной была трехчастная структура. Низовым элементом была группа, которая представляла из себя нуклеарную либо расширенную (с ближайшими родственниками) семью. Несколько таких групп, объединенных общим происхождением (ближайшие и дальние родственники) и местом проживания, составляли клан, «мохерега» («*moherega*»). Из представителей нескольких кланов формировалась «риика» («*riika*»), совет, который состояла из наиболее возрастных и уважаемых членов общины, которые прошли обряд инициации (обрезания). Один и тот же человек, разумеется, мог принадлежать одновременно к нескольким группам, но при этом его социальный статус, права и обязанности варьировались в зависимости от внутренней иерархии каждой группы^[8, п. 587]. Несколько кланов объединялись в субкланы, которые могли насчитывать от нескольких сотен до нескольких тысяч человек, соответственно. Количество поселений и территория проживания субкланов была чрезвычайно различной.

На вождей возложили те обязанности, которые никогда ранее не присутствовали у племенных советов, в том числе, - сбор налогов, строительство мостов и дорог, поставка рекрутов в вооруженные силы (и рабочих рук – белым фермерам), охрана правопорядка. Поэтому представители племенных советов среди первых вождей практически не встречались, это было позорно и чревато трениями с родственниками. В вожди шли лица, как правило, не имевшие высокого социального статуса и не пользующихся в традиционном обществе никаким авторитетом. От соискателей, прежде всего, требовалась исполнительность и лояльность колониальной администрации, поэтому среди людей, занимавших данные посты поначалу, можно было найти носильщиков, проводников, переводчиков, солдат, полицейских и т. п. Зафиксирован был даже из ряда вон выходящий случай назначения знахаря главой поселения^[7, п. 374-375].

Вожди наделялись всей полнотой власти и были ответственны только перед окружными комиссарами. Не существовало никакой системы сдержек и противовесов. Каждый вождь

обзаводился командой помощников, известных обычно как «племенные вассалы» («tribal retainers») или «копейщики» («spearmens»). При этом жалование (тоже, кстати, совершенный нонсенс для традиционной системы управления) вождей было чрезвычайно скудным (по нижней ставке колониального служащего за неполный рабочий день) – от 13 до 100 рупий в месяц (примерно, от 5 до 30 долларов США). Заработная плата вождей была приближена к полноценной ставке штатных сотрудников администрации только в 1939 г. Разумеется, все это приводило к многочисленным нарушениям, злоупотреблениям, иногда – откровенным издевательствам и преступлениям вождей (угон скота, кража жен, побои, конфискация имущества, штрафы и пр.) по отношению к местному населению. Ближний круг вождей, «ньяма» («njama»), состоящий обычно из их ровесников и прихлебателей, нередко аккумулировал негодяев со всей округи и трансформировался в самую настоящую организованную преступную группировку, наводящую ужас на множество деревень. Члены ньямы могли останавливаться на ночлег и жить в любом доме любой деревни неопределенное время, хозяева крова должны были их кормить и поддерживать огонь в очаге ночами, пока эти бандиты изволили почивать [\[7, p. 375-376\]](#).

Колониальная администрация реагировала на самоуправство вождей, их штрафовали. В 1908–1912 гг. прошла волна увольнений вождей из первых наборов. Однако подобного рода меры были редки и носили исключительный характер. Место уволенных занимали вполне сопоставимые персонажи. Ситуация выглядела безвыходной, особенно в 1910-х гг.

К 1920-х гг. «детские болезни» института вождей постепенно начали преодолеваться. Распространение образования среди туземцев способствовало росту гражданского самосознания. Сами вожди стали отправлять детей не только в ближайшие школы, но даже на обучение за границу. После Первой мировой войны власти ужесточили контроль над вождями, стали назначать на эти должности более образованных и квалифицированных кандидатов. В 1925 г. было санкционировано создание «Советов коренных жителей» («Local Native Council»), которые разделили полномочия с вождями. В данные органы власти кенийцы сами избирали своих представителей. Мощным противовесом произволу вождей выступила нарождающаяся кенийская интеллигенция и общественные (по сути, квазиполитические) организации, в том числе, «Ассоциация кикуйю» («Kikuyu Association»), «Ассоциация молодых кикуйю» («Young Kikuyu Association»), «Восточноафриканская ассоциация» («East African Association»), «Ассоциация молодых Кавирондо» («Young Kavirondo Association»), Центральная ассоциация кикуйю («Kikuyu Central Association»), «Ассоциация социального обеспечения налогоплательщиков Кавирондо» («Kavirondo Taxpayers Welfare Association»), Союз коренных католиков («Native Catholic Union») и др. [\[7, p. 384-385\]](#)

Как мы видим, в случае с местными органами власти колониальная администрация старалась (пусть и не всегда сразу) выстроить сбалансированную систему, без концентрации власти и полномочий в каких бы то ни было одних руках. Перегибы на местах устранялись по мере необходимости. С учетом того, что до британцев самоуправления в европейском представлении в Кении вообще не существовало, в этом направлении британцы достигли к 1930-м гг. несомненных успехов.

Законотворчество

Колониальное управление опиралось на законы. Только за период с 1920 г. по 1940 г. в среднем еженедельно принимался как минимум один акт, постановление или поправка к уже имеющимся документам. Все они разрабатывались и утверждались лицами

европейского происхождения, входящими в различные органы власти, при незначительном участии индийцев [\[6, p. 176-178\]](#).

Тон законотворческой деятельности на окраинах Империи задавали выпускники двух старейших университетов метрополии – Оксфорда и Кембриджа. Участие в разработке законов в колониях и доминионах считалось хорошим стартом для успешной юридической и политической карьеры. При этом нормальной практикой считалось простое заимствование законодательных актов, уже внедренных в других частях владений Короны. Применительно к Кении чаще всего речь шла о нормативно-правовой базе Британской Индии [\[6, p. 178\]](#).

Одними из самых первых стали акты, регулирующие жизнь местных жителей, касающиеся регистрации кенийцев, отношений с работодателями и проблемы бродяжничества. Ключевым фактором здесь было желание властей контролировать перемещение рабочих рук и поддерживать стабильность на рынке труда. В 1900 г. вступили в силу «Правила пропусков» («Native Passes Regulations 1900»), а в 1903 г. – отдельное постановление, обязывающее африканских мужчин иметь специальное разрешение для выхода за пределы ареала (резервации) проживания. В 1915 г. посредством принятия «Постановления о регистрации коренных жителей» («Native Registration of Natives Ordinance 1915») была внедрена система пропусков «кипанде». Данный документ содержал основные личные данные, отпечатки пальцев и трудовой стаж. Унизительный (и откровенно неудобный) для местных жителей характер этого нововведения заключался не только в том, что такая практика сильно ограничивала их мобильность, но и в том, что кипанде надо было постоянно носить с собой (на шее, в специальном футляре). С 1922 г. все мужчины, находящиеся вне официальных границ резерваций, должны были иметь кипанде. В годы Первой мировой войны такой подход помогал решать вопрос с рекрутингом кенийцев в имперскую армию [\[6, p. 179\]](#).

В период с 1908 г. по 1930 г. вступило в силу шесть постановлений, касающихся вопроса бродяжничества, под которым чаще всего подразумевалось обычное перемещение местного населения. В итоге к началу 1930-х гг. любому туземцу, находящемуся за пределами резервации без кипанде, мог быть присвоен статус бродяги, что означало нередко тюремное заключение. В этом отношении законодательство колонии мало чем отличалось от европейской практики. Несовершеннолетних бродяг рекомендовалось возвращать в родные места принудительно. В 1947 г. обсуждалось внедрение практики, при которой любой африканец, не имеющий постоянной работы в течение трех месяцев, автоматически признавался бродягой и подвергался наказанию [\[6, p. 180\]](#).

Взаимодействие с домашними работниками регулировалось «Постановлением о хозяевах и прислуге» 1906 г. («Master and Servants Ordinance 1906»), которое опиралось на традиционное английское право. Интересы слуг здесь фактически не учитывались. В метрополии «Закон о работодателях и работниках» 1875 г. («Employers and Workmen Act 1875») признавал за трудящимися право на коллективное представительство. Для колоний в Африке, Австралии и Карибском бассейне применялось более архаичное и суровое законодательство, включающее, в том числе, физические наказания (порку) слуг. В 1919 г. в Кении при «Департаменте по делам коренных народов» («Department of Native Affairs») была создана трудовая инспекция, которой вменялось в обязанность предупреждать злоупотребления в этой сфере [\[6, p. 179-180\]](#).

Городская жизнь определялась соответствующими постановлениями («Townships

Ordinances»). Первое подобное решение было принято в 1903 г. («Townships Ordinance of 1903»), а всего за период колониального господства таких документов было принято более 30. С развитием поселков и городов была тесно связана земельная политика. Согласно «Постановлению о землях Короны» 1902 г. («Crown Lands Ordinance 1902») пустующие земли или территории, которые власти посчитали пустующими в связи с уходом (по разным причинам) местных жителей, становились землями Короны и могли быть переданы европейским поселенцам. К 1914 г. во владение европейским фермерам и нобилитету из метрополии перешло почти 5 млн акров земли, а к 1963 г. – более 7 млн акров, соответственно. Хотя формально это была аренда на 999 лет. Местным жителям частное право владения землей не предоставлялось вплоть до 1959 г., когда вступил в силу «Закон о регистрации земель коренных народов» («Native Lands Registration Ordinance of 1959»)[6, p. 191].

Неравенство африканцев с кенийцами законодательно закреплялось почти во всех сферах. Закон о расовой сегрегации 1918 г. (1918 «Segregation of Races Act» 1918), Постановление о муниципальном представительстве 1919 г. («Municipal Corporation Ordinance» 1919), Избирательный закон 1919 г. («Electoral Representation Ordinance» 1919) фактически лишали местное население (и выходцев из Южной Азии) права претендовать на равные с европейцами избирательные права. Ограничивалась и свобода передвижения, в том числе, исходя из санитарных соображений. С 1900 г. по 1913 г. была принята серия решений в этой области, где ключевыми мерами профилактики стали ограничения на перемещения индийцев и африканцев, но не европейцев (за ними априори признавался более высокий уровень личной и общественной гигиены). К наиболее значимым документам можно отнести постановления о чуме 1902 г., об инфекционных болезнях 1903 г., о сонной болезни 1903 г., о чуме и холере 1907 г., о вакцинации 1912 г., о малярии 1912 г., и, наконец, об ограничении иммиграции 1913 г. Туземцы за нарушение данных правил могли быть приговорены к заключению на срок до одного месяца[9, p. 82].

Не была оставлена без внимания личная жизнь колонизируемых народов. «Восточноафриканский указ о браке» 1902 г. («1902 East African Marriage Ordinance») предписывал местному населению отдавать предпочтение моногамным бракам и даже предоставлял женщинам право наследовать супружеское имущество, но фактически жизнь абсолютного большинства представительниц прекрасного пола в Кении шла в строгом соответствии с традиционными правилами и нормами. Своеобразной отдушиной для кенийских женщин была сфера акушерства и родовспоможения, где они могли приобрести некоторый общественный авторитет[10].

Даже в отношении СМИ были введены свои нормы. Согласно «Постановлению о книгах и газетах» 1906 г. («Book and Newspaper Ordinance of 1906»), все издания должны были быть зарегистрированы, а каждая публикация должна была содержать выходные данные (название, номер, имя и адрес владельца, среднегодовой тираж). Хотя, отдадим должное колониальным властям, цензура в современном понимании не вводилась в Кении до середины 1950-х гг.[11, p. 166]

Часть вопросов в Кении решалась в соответствии с обычным правом, а часть – на основе европейского законодательства (нередко слегка модифицированного предварительно в других владениях Короны). В спорных моментах, естественно, британская юрисдикция брала верх над локальным правом и даже постановлениями, изданными колониальными властями. Такое положение дел было зафиксировано в «Восточноафриканском указе о Совете» 1902 г. («The East Africa Order in Council of 1902») и не претерпело сколь ни

будь значительных изменений вплоть до конца колониальной эпохи [\[12, p. 501-502\]](#).

Юридическая практика колониальной Кении включала и некоторые атакизмы. В метрополии (Англии и Уэллсе) телесные наказания были отменены в 1948 г. Логично было бы ожидать, что этому положительному примеру последуют и колонии. Однако в Кении развитие системы наказаний скорее пошло по пути регресса. Для незначительных правонарушений обычно применялись легкие наказания: одиночное заключение, сокращенный рацион питания, выговор, лишение привилегий. Тяжелые преступления (мятеж, неповиновение властям, нападение на тюремных работников и пр.) могли повлечь за собой такие же последствия, однако, согласно «Положению о задержанных лицах» 1954 г. («Emergency (Detained Persons) Regulations 1954»), а точнее п. 17 данного документа, речь могла идти о настоящем санкционированном законом избиении – до 12 ударов палкой (на практике использовались дубинки, кнуты и т.п.). На местах полицейские и армейские подразделения не гнушались обычным террором (сжигание домов, имущества, наказания в виде ударов токов и т. п.). Теоретически, конечно, каждый задержанный или подвергшийся пыткам кениец мог оспорить решение властей и подать жалобу о произволе властей на имя губернатора, но на практике это был крайне маловероятный сценарий [\[12, p. 505-506\]](#).

В итоге сложилась трехступенчатая структура законодательной базы. Для коренного населения речь шла об их традиционном праве, «местном законе и обычае» («native law and custom»). Жить в соответствии с родоплеменными представлениями о добре и зле кенийцам разрешалась только в том случае, если они не противоречили актам и постановлениям, которые применялись европейцами в отношении самих африканцев. Европейские поселенцы и выходцы из Южной Азии жили по законодательству, во многом заимствованному из Британской Индии, а там, где оно было не применимо, то использовалось «общее и статутное право Англии» («Common and Statute law of England»). Мусульманское население соблюдало исламские законы, распространенные в данном регионе еще со времен султаната Занзибара. Такой подход соответствовал применяемым принципам сегрегации населения колонии по расовому признаку и признавался властями вполне эффективным для управления.

Правоохранительные органы

Зарождение правоохранительных структур в Кении относится к 1887 г., когда Восточноафриканская компания наняла нескольких индийцев для защиты своей собственности на острове Момбаса. Все первые основополагающие документы в данной сфере, в том числе, Закон о полиции («Police Act»), Уголовный кодекс («Penal Code»), Закон об уголовном судопроизводстве («Criminal Procedure Act»), были заимствованы из Британской Индии. При строительстве Угандийской железной дороги численность полиции была значительно увеличена, к службе стали привлекать и африканцев. Реформа 1903–1904 гг. объединила железнодорожную и городскую полицию, была введена должность генерального инспектора, окружные комиссары получили возможность набирать кадры на местах. Все делопроизводство велось индийцами (обычно – на урду), европейские служащие бумажной работы избегали. В результате чего за полицейскими южноазиатского происхождения закрепилось место «среднего звена» в служебной иерархии, что сильно урезало карьерные перспективы африканцев [\[13, p. 404-405\]](#).

К началу XX в. полиция в Кении разделилась на центральную и местную. Первая формировалась европейскими властями и контролировала порядок в крупных городах. В

ней служили выходцы из Южной Азии и африканцы. Это был один из путей привития местному населению ценностей и норм западной цивилизации, поскольку для успешного продвижения по служебной лестнице туземные кадры должны были максимально соответствовать стандартам, принятым в Великобритании. Местная полиция, создаваемая локальными властями, состояла преимущественно из кенийцев и решала вопросы «на земле» (бытовая преступность, споры из-за пастбищ и пахотных земель и т. п.)[\[13, p. 402-403\]](#).

Среди британцев полицейская служба не пользовалась популярностью. В 1906 г. все сотрудники полиции в, например, Найроби, были либо индийцами, либо африканцами. Даже к концу 1920-х гг., в 1927 г., административный (канцелярский) штат столичной полиции состоял всего из четырех европейцев при одном африканце и 54 четырех сотрудников южноазиатского происхождения. К 1945 г. европейцев стало 16, а индийцев - уже 116. Еще через год численность европейских сотрудников сократилась до 12, в то время как индийцев стало 123. С полевой работой индийские полицейские справлялись хуже европейцев, но заметно лучше африканцев, хотя последние в структуре численно доминировали. В частности, в 1938 г. британское происхождение имели 28 офицеров и 113 инспекторов, индийское – 32 инспектора и 3 сержанта, африканское – 5 инспекторов и 1 906 сержантов и констеблей, а в 1949 г. уже 84 офицера и 269 инспекторов, 41 инспектор и 22 сержанта, 115 инспекторов и 5 542 сержанта и констебля, соответственно. Таким образом, мы видим динамику абсолютного и относительного роста местных кадров в полиции Кении. Но при этом сохранялось неравенство в уровне окладов, полицейские европейского происхождения на тех же должностях получали большее жалование[\[13, p. 406-407\]](#).

Местная полиция набиралась в локальных вербовочных пунктах, там же происходило первичное (весьма поверхностное) обучение молодого пополнения. В Найроби также действовало специальное учебное подразделение («Police Training Depot»), где призывники проходили шестимесячные курсы, содержательная часть которых сводилась преимущественно к знакомству с европейскими стандартами служебной работы. С середины 1920-х гг. кенийская полиция освободила подразделения Королевских африканских стрелков от обязанности поддерживать порядок на кенийско-эфиопской границе.

Практика подготовки полицейских из числа африканцев показала, что их, по мнению колониальных властей, обучить было проще, поскольку они, подобно детям, воспринимали информацию лучше и менялись быстрее, чем индийские кадры, которые сравнивались с «полувырослыми людьми» («half grown man»). Проблема высокого отсева новобранцев (до 60%) и раннего выхода в отставку (до половины кенийцев покидали службу в первые пять лет) решалась наборов новых кадров. Сами африканцы объясняли это низкими зарплатами (для констеблей из местного населения жалование могло не повышаться десятилетиями), тем, что они не могли ужиться с новыми для себя стандартами и нормами жизни, тоской по дому и родине, чувством усталости («choка» на суахили). Демотивировал их и тот факт, что досрочный выход в отставку не давал основания для получения пенсии[\[13, p. 408-410\]](#).

Свою роль в организации кенийской полиции, конечно, сыграли и этнические различия. Довольно быстро выяснилось, что к правоохранительной деятельности более пригодны воинственные племена. Кроме этого, предпочтение при прочих равных отдавалось неграмотным рекрутам, они чаще проявляли необходимые для сложных условий несения службы качества – ответственность, выносливость, дисциплину, были гораздо менее

притязательны к размеру жалования. Таким образом, в полиции на местах были по большей части представлены луо, кипсиги, нанди и камба. Кикуйю в полиции практически не служили. К примеру, в 1926 г. кикуйю среди полицейских было всего 5% (общая доля в населении страны была 20%), луо – 26% (доля по стране – 14%), камба – 24% (12%), кипсиги – 5% (3%), нанди – 3% (2%), соответственно. К 1953 г. пропорция между племенами немного изменилась, кикуйю – 2%, луо – 11%, камба – 18%, кипсиги – 8%, нанди – 10%, соответственно. Племена, где было больше всего образованных молодых людей, поставляли полиции крайне мало кадров [\[13, p. 408-411\]](#).

Судейский корпус колониальной Кении вплоть до периода независимости состоял из лиц европейского происхождения (за исключением одного представителя индийской общины). Управляемость, предсказуемость и высокая квалификация служащих Фемиды гарантировалась, в том числе (как и в случае с управленческой номенклатурой), однородностью их происхождения и образования. 56% судей Верховного суда Кении, девять из 13 судей Апелляционного суда Восточной Африки, четверо из пяти главных судей Кении обучались либо в Оксфорде, либо в Кембридже. В силу немногочисленности судей каждый из них становился довольно известной фигурой в колонии. Характерно, что очевидная расовая дискриминация при назначении на должность судей практически никогда не находила свое продолжение в ходе разбирательств дел по существу и вынесении приговоров. Индийцы и африканцы могли, в общем и целом, рассчитывать на беспристрастность и отсутствие коррупции в колониальных судах. Иное означало бы неизбежное снижение компетенции судей и подрыв доверия к имперской власти [\[14, p. 46-47\]](#).

Среди частных адвокатов в Кении безусловно доминировали выходцы из Южной Азии. С учетом расовой структуры населения колонии и весьма распространенных представлений о том, что пониманию африканцев в принципе не доступны целые отрасли знаний (банковское дело, финансы, юриспруденция, точные науки) местным жителям было крайне сложно сделать карьеру в этой области. Закрытость адвокатуры для кенийцев обеспечивалась кастовостью индийского общества, где данная профессия (в коммерческих делах весьма доходная), как правило, олицетворялась опять же с выходцами из южноазиатских этнорелигиозных групп, добившихся успеха в бизнесе. С собственными родственниками в качестве адвокатов дела вести было гораздо сподручнее. Социальная жизнь выходцев из Южной Азии для местных жителей была «закрытым коконом» («closed cocoon») [\[14, p. 41-45\]](#).

Колониальная юридическая служба в Кении представляла из себя совершенно уникальный орган власти, который обычно формировался из профессиональных юристов и барристеров (адвокаты в Великобритании и странах Содружества), неподкупных, весьма компетентных, с развитым чувством собственного достоинства. Абсолютное большинство из них были выпускниками публичных школ метрополии, а впоследствии - Оксфордского или Кембриджского университета. Такое образование гарантировало быстрое продвижение по карьерной лестнице. На обычные должности в юридической службе колонии, как правило, можно было претендовать после трех-четырех лет работы в коллегии адвокатов в метрополии [\[14, p. 46-47\]](#).

Положение дел с юристами местного разлива, конечно, оставляло желать лучшего. Даже к 1950-м гг. в Восточной Африке практически не было специалистов туземного происхождения. Западная Африка в этом отношении выглядела гораздо лучше, в Нигерии, к примеру, насчитывалось не менее 800 таких кадров (в Сьерра-Леоне – до 300, соответственно). По воспоминаниям адвоката Сатиша Гаутама (Satish Gautama),

который начал практику в 1942 г., большая часть дел в колонии были довольно однообразны, интересные попадались крайне редко. Обычно все вращалось вокруг трех факторов – земля, женщины и выпивка. За первые 25 лет он участвовал в рассмотрении приблизительно 4 тыс. дел об убийствах, 1 тыс. дел о краже имущества и приблизительно 500 изнасилованиях, соответственно. Обычный хронометраж преступлений включал в себя употребление алкоголя, затем поиск приключений, и завершалось все, как правило, как-нибудь насильственным злодеянием [\[14, p. 49-52\]](#).

Преступность

Контроль колониальной администрацией положения дел в городах и сельской местности подразумевал и поддержание правопорядка. Помимо обычной бытовой преступности властям пришлось иметь дело со специфическим криминалом, не представленным широко в метрополии и других частях Империи. Далеко не всегда победа в этом противостоянии оставалась за служителями закона.

Земельная политика, создание резерваций вкупе с развитием крупных агломераций и локального рынка рабочей силы привели к распространению в Кении бродяжничества, в том числе, среди несовершеннолетних. Внимание этой проблеме уделялось самое пристальное, потому что она генерировала вокруг себя благоприятную для развития преступности среду. В соответствии с Постановлением о бродяжничестве 1920 г. («Vagrancy Ordinance of 1920») главным критерием выделения бродяг из общей массы городского населения было обозначено отсутствие постоянного жилья. Временные пристанища (веранда, надворная постройка, хозяйственное помещение, автомобиль и пр.) не могли выступать в качестве постоянного места проживания для беднейших слоев населения. Взрослых бродяг обычно приговаривали к аресту и принудительным работам, малолетних бездомных, как правило, старались репатриировать в сельскую местность, к родственникам, в лоно традиционных ценностей, чтобы уменьшить, как тогда считалось, пагубное влияние городской жизни на неокрепшие умы. Только за 1932 г. в Найроби было задержано более 1 тыс. бездомных (содержались они в переполненных сверх всякой меры камерах) [\[15, p. 48-49\]](#).

Созданный в 1932 г. в Найроби «Комитет по борьбе с преступностью» («Crime Committee»), включающий представителей полиции, колониальных и местных органов власти, отмечал, что из трех потенциальных источников криминала – подростки, профессиональные уголовники-рецидивисты и бродяги, именно первые есть наиболее серьезная проблема, в том числе, потому что они служат потенциальной кадровой базой для вторых и третьих. В начале 1930-х гг. в столице Кении насчитывалось около 3,4 тыс. несовершеннолетних африканцев (большинство – в возрасте от 10 до 15 лет), из которых приблизительно треть находилась без родительского контроля, а 2,9 тыс. – не имели постоянного источника средств к существованию. Образовательные учреждения, преимущественно при церковных миссиях, посещало не более 600 мальчиков и 150 девочек [\[15, p. 49\]](#).

В 1938 г. были организованы две специализированные структуры - «Комитет по делам несовершеннолетних» («Juvenile Crime Committee») и «Комитет по трудоустройству несовершеннолетних» («Employment of Juveniles Committee»), которые на системном уровне занялись проблемой африканских беспризорников в Найроби. Члены данных комитетов осуществляли общественный контроль над исполнением требований «Постановления о несовершеннолетних» 1934 г. («Juveniles Ordinance 1934»), включая запрет содержания вместе малолетних (до 16 лет) и взрослых преступников, а также

вето на заключение первых в тюрьму, если доступны иные способы наказания (удары палками, отправка в специализированную школу, репатриация в сельскую местность к родственникам)^[15, p. 49].

Несмотря на все усилия властей проблема бродяжничества оставалась актуальной вплоть до конца колониального периода. Стремительный рост населения при быстрых темпах урбанизации сводил на нет большинство текущих и превентивных мер, направленных на борьбу с этим социальным злом.

Систематическое употребление местным населением ката (легкого наркотика растительного происхождения) также весьма беспокоило колониальную администрацию. Первые меры по его ограничению относятся еще к 1934 г., когда беспорядки в общинах меру вынудили местный туземный совет принять официальное решение об ограничении ката для молодых людей. Объяснялось это тем, что под его воздействием молодежь становится не управляемой и склонной к агрессии. Мера эта был скорее формальностью, чем действенным инструментом, в связи с чем в конце 1930-х гг. к борьбе с катом активно подключились европейские чиновники и медики. Было сразу обнаружено, что на разные этнические группы кат действует по-разному. Если для земледельцев вред от употребления ката был замечен, но относительно приемлем, то для кочевников-скотоводов (в том числе, сомалийцев) жевание листьев этого растения становится настоящим бедствием. Психическое здоровье сомалийцев под воздействием данного стимулятора резко ухудшалось, делая их не пригодными для службы в армии и полиции, они теряли связь с реальностью, пребывая в «мире грез» («dream world»), становились ленивыми и апатичными^[16, p. 383-385].

Масштаб производства и торговли катом, между тем, нарастал год от года. Одним из центров по продаже ката был город Исиоло, где только в 1940 г. уходило с прилавков не менее 100 мешков ката ежедневно, объем выручки достигал 1 тыс. фунтов стерлингов в месяц. В конце 1940 г. свободный оборот ката был запрещен, однако уже в 1942 г. (после победы союзников в Эфиопии) запрет был снят. Параллельно с этим возникла и бурно развивалась контрабанда ката, которая, во-первых, не снизив спрос, способствовала росту цены на этот наркотик (в среднем в 2–3 раза), а во-вторых, несмотря на радикальные меры (уничтожение найденного товара), объем продаж ката не сократился, поскольку в обеспечении и прикрытии нелегальных поставок принимало участие огромное количество африканских служащих и полицейских. Во второй половине 1940-х гг. власти окончательно сняли все ограничения, касающиеся ката, по сути, выведя все, что было связано с ним, в легальное поле^[16, p. 383-385].

Весьма возмутительной для властей и европейских переселенцев выглядела практика кражи скота, которая среди местного скотоводческого населения была абсолютной нормой, органично вписанной в многовековой уклад жизни. Наиболее активными участниками данного процесса были проживающие в Рифт-Валли и западной части страны масаи и календжин. Для молодых людей из этих народностей угон скота был своеобразным спортом. При этом кража скота у соплеменников была под строжайшим запретом, всемерно порицалась и осуждалась. Аналогичные действия в отношении чужаков (белых фермеров и других народностей) не возбранялись^[17, p. 399-402].

Соответствующая терминология четко разграничивала эти деяния. Крупномасштабный организованный рейд к посторонним, например, у календжин, назывался «нгел» («ngel») и планировался заранее. Выделялись промежуточные и основные этапы трансфера и реализации добычи, с отвлекающими маневрами, привлечением десятков (иногда сотни)

участников, четким распределением ролей, предварительным одобрением духовных лидеров и согласием старейшин. Возможные ответные действия пострадавшей стороны воспринимались как приемлемый риск, только повышающий престиж такого рода занятий. Похищение скота у своих соседей именовалось совершенно по-другому («chorset ap tuka»), случалось крайне редко, отличалось спонтанностью, инициаторы таких, как правило, тайных, акций подвергались остракизму. Так продолжалось многие столетия, пока в регион не пришла Британская империя, новая сила, обладающая абсолютно другими представлениями об имущественном комплексе, дозволенных и запрещенных нормах поведения, а также куда большими организационными ресурсами для защиты интересов своих граждан и подданных [\[17, p. 399-402\]](#).

Поначалу, с 1904–1905 гг., когда европейские поселенцы стали прибывать в Рифтовую долину, то ввиду малочисленности они представлялись для местных племен весьма доступной целью для кражи скота. Не везде были четко обозначены границы между земельными владениями и резервациями, колониальная администрация не могла выделить достаточные силы для поддержания контроля. 1918 г. и 1919 г. ознаменовались двумя крупными успешными рейдами нанди на фермеров. Однако после завершения Первой мировой войны, к рубежу 1910-1920-х гг., британские власти начали пристальнее следить за ситуацией, было проведено несколько карательных акций, включая расстрел нескольких старейшин, что в итоге снизило активность похитителей и даже способствовало смене тактике краж. Практиковалось смешение скота, принадлежащего европейцам и африканцам. Резервации и лесные заповедники теперь могли выступать в качестве перевалочных пунктов, в том числе, для перепродажи добычи в Уганду, сократилось количество голов, угоняемых за раз (старались красть не больше дюжины животных), чтобы проще было скрыть следы [\[17, p. 404\]](#).

Для борьбы с этим видом преступлений британские власти применяли не только разовые карательные акции, но и разрабатывали соответствующее законодательство, учитывающее региональную специфику и четко фиксирующее наказания за такие действия. «Постановление о коллективном наказании» от 1909 г. («Collective Punishment Ordinance 1909») подразумевало, что если местные жители помогают утаить краденное или препятствуют расследования преступления, то они могли подвергнуться судебному преследованию, вплоть до тюремного заключения. «Постановление о краже скота и продукции» 1913 г. («Stock and Produce Theft Ordinance 1913») подразумевало наказание в виде пяти лет лишения свободы и уплаты штрафа, многократно превышающего стоимость украденного движимого имущества. В случае если осужденный был не в состоянии выплатить всю сумму, то штраф мог быть распределен на его семью, родственников и даже соседей. Эти два документа фактически определили предельный уровень наказания для угонщиков скота, явно недостаточный и неполный по той причине, что внутри самих африканских племен подобные мероприятия не только не осуждались, но считались со всеобщего молчаливого согласия почетным занятием, достойным памяти предков. Побороть это явление не получилось. Ежегодно, вплоть до начала периода независимости страны, стабильно фиксировалось несколько тысяч таких преступлений (в 1955 г., например, - 1 578 случаев, в 1962 г. - 4 243 случая, соответственно) [\[17, p. 415\]](#).

Не проще обстояли дела и в сфере борьбы с противоправной деятельностью не бытового, а государственного характера, в частности, с антиколониальным движением и восстанием «мау-мау» 1953–1955 гг. К рубежу 1940–1950-х гг. практически вся общественная активность (включая поначалу исключительно мирное движение «мау-мау») кенийцев на местах воспринималась в качестве подрывной.

Только за 1950 г. около 120 кенийских активистов были осуждены и отправлены в тюрьму. Однако данные карательные меры только усилили брожение и ускорили начало полномасштабных беспорядков. Контроль над положением дел был утрачен окончательно летом 1952 г., когда целые группы молодых людей начали собираться на окраинах резерваций, отказываясь нести службу и выполнять работы. Начался процесс самоорганизации кенийцев, который к 1953 г. привел к формированию уже вполне дееспособных отрядов сопротивления [\[3, p. 166-171\]](#).

Накануне и в ходе восстания «мау-мау» колониальная администрация активно прибегала к заключению обвиняемых в неповиновении властям в концентрационные лагеря. Всего за период с 1953 г. по 1960 г. для такого контингента было открыто не менее 19 лагерей, через которые в общей сложности прошло, по разным оценкам, от 80 тыс. до 150 тыс. задержанных по упрощенной процедуре (без суда и следствия) [\[13, p. 491-493\]](#). По другим данным, к концу 1950-х гг. число лагерей составляло около 100, а численность содержащихся там лиц была не менее 80 тыс. человек [\[18, p. 25\]](#).

Подход к исправлению задержанных участников (или обвиняемых в участии) «мау-мау» опирался на «концепцию реабилитации» («concept of rehabilitation»). Она предполагала разделение заключенных на «черных» («black»), содержащихся в очень строгих условиях в отдаленных лагерях, и «белых» («white»), лояльных узников, вставших на путь исправления, с очень мягким режимом содержания. В результате систематического принуждения и повседневной ручной деятельности в лагерях восставшие и их сторонники должны были перевоплотиться в прогрессивных граждан. Регулярные побои и пытки были нормой в таких заведениях [\[18, p. 26\]](#).

Кенийцы противопоставляли этому прессингу властей собственные методы. Участники мау-мау приносили присягу верности движению с использованием оккультных практик, неестественных контактов с животными и употреблением веществ сомнительного содержания (кровь, земля и пр.) [\[19, p. 37\]](#). Туземцы строили всяческие козни и мелкие диверсии чиновникам, миссионерам, фермерам, мигрантам из Южной Азии, полиции и лоялистам из числа племенной верхушки. Существенный вред колониальным властям такая деятельность принести не могла, но власти были вынуждены усиливать контроль, устанавливать плотное наблюдение за районом, что неизбежно отвлекало ресурсы полиции и администрации [\[19, p. 353-363\]](#).

Властями практиковался также «скрининг» («screening»), то есть массовая профилактическая проверка населения на предмет выявления сочувствующих восстанию элементов, пресечения деятельности подполья, задержания активистов и пособников «мау-мау». Местная администрация при поддержке воинских подразделений, резервистов кенийской полиции и частей особого назначения («Special Branch») оцепляла неблагонадежные населенные пункты (иногда целые районы) и проводила тотальные аресты с последующими пристрастными допросами задержанных. В лагерях использовалось «разжижение» («dilution»), методика, при которой группы упорствующих арестантов разбавлялись лояльными заключенными (обычно в пропорции 1 к 10), которые убеждениями (не всегда только словесными) уговаривали сопротивляющихся пойти на сотрудничество с администрацией [\[12, p. 510-520\]](#).

Борьба с преступностью в колониальной Кении шла с переменным успехом. С бытовым криминалом довольно результативно справлялась полиция и суды. Нарушения правопорядка, связанные с местной спецификой, традициями и антиколониальной борьбой, пресекались проблематичнее, требовали привлечения большего количества

людей и ресурсов. Однако в общем плане колониальные власти смогли добиться относительного порядка и общественной безопасности в населенных пунктах, насильственные злодеяния были редкостью, в отношении европейцев – вообще исключением.

Заключение

Колониальная система управления выстраивалась в Кении в течение 1900-1920-х гг., приобретая черты завершенности в основных институтах к 1930-м гг. До прихода Британской империи в данном регионе не существовало цивилизационного базиса, предполагающего наличие государственных образований. Ключевые органы власти были созданы колонизаторами фактически с нуля.

Ведущая роль на всех уровнях административной структуры принадлежала лицам европейского происхождения. Какое бы то ни было самостоятельное политическое представительство двух других этнических групп (индийцев и африканцев), работающее вне созданных центральной властью рамок, не предполагалась. Вся полнота власти в колонии фактически принадлежала губернатору, безоговорочно проводившему политику метрополии. Данное положение вещей закреплялось культивируемой идеологической парадигмой, предполагающей превосходство британцев и в целом европейцев во всех сферах общества, включая управленческую.

В силу недостатка кадров на местах, в частности, при формировании полиции и органов самоуправления (через внедрение института вождей), активно использовались локальные специалисты. В судебной, юридической и законодательной сферах практиковалось заимствование документов и апробированных решений из Британской Индии. Прочность и слаженность работы государственного механизма обеспечивалась однородностью состава номенклатуры.

Управление колонией подразумевало поддержание законности и правопорядка. Борьба с бытовой преступностью шла успешно. Ликвидация специфического криминала, обусловленного местной спецификой (бродяжничество, кража скота, употребление ката, антиколониальная деятельность) проводилась медленно, с огромными трудностями и до логического конца доведена не была, по ряду направлений – прекращена по причине бесперспективности.

К моменту обретения независимости в 1963 г. новоявленным кенийским властям досталась в наследство от колониального режима вполне эффективно работающая система государственных органов. Достижения британцев в этой области с учетом исходных данных и перманентной нехватки ресурсов в колонии выглядят значительными и бесспорными.

Библиография

1. Overton J. The colonial state and spatial differentiation: Kenya, 1895-1920 // *Journal of Historical Geography*, 1987. Vol., 13. № 3. Pp. 267-282.
2. Murphy J.F. Legitimation and Paternalism: The Colonial State in Kenya // *African Studies Review*, 1986. Vol., 29. № 3. Pp. 55-65.
3. Berman B.J. Bureaucracy and Incumbent Violence: Colonial Administration and the Origins of the 'Mau Mau' Emergency in Kenya // *British Journal of Political Science*, April, 1976. Vol. 6., № 2. Pp. 143-175.
4. Rice S. The Indian Question in Kenya // *Foreign Affairs*, 1923. Vol. 2, № 2. Pp. 258-

269.

5. Shadle B.L. Cruelty and Empathy, Animals and Race, in Colonial Kenya // Journal of Social History, 2012. Vol. 45. № 4. Pp. 1097-1116.
6. Home R. Colonial Township Laws and Urban Governance in Kenya // Journal of African Law, October 2012, Vol. 56, Issue 2. Pp. 175-193.
7. Wamagatta E. N. British Administration and the Chiefs' Tyranny in Early Colonial Kenya. A Case Study of the First Generation of Chiefs from Kiambu District, 1895–1920 // Journal of Asian and African Studies, 2009. Vol. 44. № 4. Pp. 371-388.
8. Kiragu S. Conceptualising children as sexual beings: pre-colonial sexuality education among the Gĩkũyũ of Kenya // Sex Education: Sexuality, Society and Learning, 2013. Vol. 13. № 5. Pp. 585-596.
9. Greenwood A., Topiwala H. Indian Doctors in Kenya, 1895–1940. The Forgotten History. London, 2015. 266 p.
10. Kanogo T. African womanhood in colonial Kenya, 1900-50. Oxford:James Currey;Athens, Ohio: Ohio University Press, 2005. 268 p.
11. Frederiksen B.F. Print, Newspapers and Audience in Colonial Kenya: African and Indian Improvement, Protest and Connections // Africa: Journal of the International African Institute. 2011. Vol. 81. № 1. Pp. 155-172.
12. Duffy A. Legacies of British Colonial Violence: Viewing Kenyan Detention Camps through the Hanslope Disclosure // Law and History Review, August 2015. Vol., 33. № 3. Pp. 489-542.
13. Wolf J.B. Asian and African Recruitment in the Kenya Police, 1920-1950 // The International Journal of African Historical Studies, 1973. Vol. 6. № 3. Pp. 401-412.
14. Swanepoel P. Kenya's Colonial Judges: The Advocates' Perspective // Journal of Asian and African Studies, 2013. Vol. 50. № 1. Pp. 41-57.
15. Ocobock P. 'Joy rides for juveniles': vagrant youth and colonial control in Nairobi, Kenya, 1901–52 // Social History, 2006. Vol. 31. № 1. Pp. 39-59.
16. Anderson D., Carrier N. Khat in Colonial Kenya: a History of Prohibition and Control // The Journal of African History, 2009. Vol. 50. Issue 3. Pp. 377-397.
17. Anderson D. Stock Theft and Moral Economy in Colonial Kenya // Africa: Journal of the International African Institute, 1986. Vol. 56. № 4. Pp. 399-416.
18. Elkins C. The Struggle for Mau Mau Rehabilitation in Late Colonial Kenya // The International Journal of African Historical Studies, 2000. Vol., 31. № 1. Pp. 25-57.
19. Wipper A. Rural Rebels and Colonial Kenya: the Argument against Buijtenhuijs's Re-Analysis // Journal of the International African Institute, 1988. Vol., 58, № 3. Pp. 353-363.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В современных условиях на фоне происходящего на наших глазах становления многополярного мира происходит серьезная борьба против неокOLONИализма, опутавшего своими сетями страны Азии, Африки и Латинской Америки. Однако истоки неокOLONИализма уходят своими корнями в колониальную эпоху, в рамках которой колониальные практики были при всей своей схожести далеко не идентичными. К слову,

британский колониальный этос существенно отличался от французского или голландского, что во многом и позволило Альбиону создать империю, над которой никогда не заходила солнце. Разумеется, что и на просторах Британской империи колониальные практики также имели определенные различия.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является система управления в британской Кении. Автор ставит своими задачами определить цивилизационную парадигму британцев, рассмотреть основные органы власти в колонии, систему управления на местах, законотворчество, а также проанализировать развитие городов.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать систему колониального управления в британской Кении.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 19 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных англоязычных материалов, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором трудов отметим работы Б. Бермана, Д. Андерсона, А. Виппера, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения британской Кении. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как британской колониальной системой, в целом, так и британской Кенией, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "до прихода Британской империи в данном регионе не существовало цивилизационного базиса, предполагающего наличие государственных образований". В работе показано, что "роль на всех уровнях административной структуры принадлежала лицам европейского происхождения", при этом "в судебной, юридической и законодательной сферах практиковалось заимствование документов и апробированных решений из Британской Индии". Автор обращает внимание на то, что "слаженность работы государственного механизма обеспечивалась однородностью состава номенклатуры". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, в Кении "административный аппарат комплектовался главным образом выходцами из английского среднего класса провинциального происхождения (семьи священников, военных и служащих), придерживающихся обычно консервативных взглядов".

Главным выводом статьи является то, что "к моменту обретения независимости в 1963 г. новоявленным кенийским властям досталась в наследство от колониального режима вполне эффективно работающая система государственных органов".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории Азии и Африки, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".